

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Филологический факультет
Научное студенческое общество

Исследовательский фонд
«Межвузовская ассоциация молодых историков-филологов»

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

*Материалы
Международной научно-практической конференции
«Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие.
XIV Кирилло-Мефодиевские чтения»
14 мая 2013 года*

Москва – Ярославль
РЕМДЕР
2013

<i>Нестерова Татьяна Вячеславовна</i> ТРАНСПОНИРОВАННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ЭТИКЕТНЫХ РА КОММУНИКАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ИЗВИНЕНИЕ»	61
<i>Ольховская Александра Игоревна</i> ПРИЧИНЫ БЫТОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ: СИСТЕМНОЕ РАССМОТРЕНИЕ	67
<i>Остапенко Дарья Игоревна</i> ФЕНОМЕН МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ХАРАКТЕРИСТИКА, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ МЕТАТЕКСТА	72
<i>Саньярова Наиля Смадыраровна</i> ОБОСОБЛЕННЫЕ СОГЛАСОВАННЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ	76
<i>Сизых Мария Михайловна</i> СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛЕКСЕМЫ ДОМ В СОВРЕМЕННОЙ ЭРГОНИМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ЭРГОНИМИИ Г. ИРКУТСКА)	82
<i>Скоробогатова Елена Александровна</i> ПОЭТИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА (ПОЛНОТА ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА)	87
<i>Суконкина Мария Александровна</i> МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ГЛАГОЛАМИ, НОМИНИРУЮЩИМИ ИНТЕНЦИЮ ПОБУЖДЕНИЯ	92
<i>Таратина Елена Геннадьевна</i> О ЧЕРЕДОВАНИИ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ С НУЛЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	95
<i>Тимофеева Ольга Николаевна</i> К ВОПРОСУ О НАИМЕНОВАНИИ СПОСОБА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ПРОСТЫХ СОКРАЩЕННЫХ СЛОВ	98
<i>Тюняев Андрей Александрович</i> ДРЕВНИЕ СТАДИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ СЕВЕРНОГО ТОРГОВОГО ПУТИ БРОНЗОВОГО – ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ	103
<i>Чолан Виктория Яновна</i> ПРЕДИКАТИВНЫЕ МЕЖДОМЕТИЯ ОБЩЕСЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ	108

ЯЗЫК – КУЛЬТУРА – ОБЩЕСТВО

<i>Анджун Мехта</i> ТЕРМИН «КРАСНОРЕЧИЕ» В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ	115
<i>Вершинина Мария Геннадьевна</i> ЗВУКОВАЯ КАРТИНА МИРА В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРМСКИХ ГОВОРОВ)	120
<i>Власова Татьяна Сергеевна</i> ИНТРОСПЕКЦИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	125
<i>Герасимова Марина Николаевна</i> ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ «СВОЙ», «ЧУЖОЙ» В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЖИВОГО ЖУРНАЛА)	130
<i>Калиновская Марина Михайловна</i> РУССКИЙ ЯЗЫК ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ	135
<i>Мазур Светлана Николаевна</i> ОЙКОНИМЫ СТУПИНСКОГО РАЙОНА КАК ЧАСТЬ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА	138
<i>Маликова Анна Ивановна</i> О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМУЛ ОБРАЩЕНИЯ И ПРИВЕТСТВИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ КАЗАХСТАНА (НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	143
<i>Ростова Евгения Гелиевна</i> ВЕЧЕ, СОБОР И ЗАВАЛИНКА В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ, ИЛИ ДЕАРХАИЗАЦИЯ ИСТОРИЗМОВ	148
<i>Сансызбаева Сандугаш Кадралиевна</i> КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ	152
<i>Семенович Наталья Николаевна</i> КУЛЬТУРНО-РЕФЛЕКСИВНАЯ ФУНКЦИЯ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ В АСПЕКТЕ ФРЕЙМОВОЙ СЕМАНТИКИ	157
<i>Соколовская Татьяна Дмитриевна</i> ДЕСЕМАНТИЗАЦИЯ ЛИЧНЫХ ИМЁН В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ	162

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Традиционная духовная культура каждого народа восходит к мифологической форме языкового сознания. Мифологическое мышление, являясь самой древней формой общественного сознания, особым видом мироощущения, специфическим, образным представлением о явлениях природы и общественной жизни, представляет собой творение в воображении или с помощью воображения субъективной и иллюзорной действительности. Особенность мифа состоит в том, что человек как бы «растворяет» себя в природе, сливается с ней и овладевает силами природы.

Человеческое мышление на наиболее ранних этапах его существования отождествляло все живое и неживое (анимизм), придавало огромное значение аналогии, оперировало магическими образами и символами. В ходе своей практической деятельности люди имеют дело не непосредственно с окружающим миром, а с репрезентациями мира, с когнитивными картинками и моделями. Представление мира — это его осмысление, интерпретация. Мир представлялся человеку сквозь призму его культуры, в частности языка; именно метафора является своеобразной «картинкой мира», неодинаковой у носителей различных культур или одной и той же культуры в отдельные исторические периоды. По своему происхождению каждая метафора является, в сущности, маленьким мифом.

Человеческая жизнь издавна связана с животными. В течение многих тысячелетий человек имел разные формы общения с животным миром. Если ранее животные считались божествами, то потом они были рабочей силой, некоторые животные внушали древним людям страх, некоторые — приносили радость, какие-то — снабжали пищей и одеждой. Очевидным фактом является то, что человек и животное находились в постоянном контакте. Тесное общение человека и животных отразилось в языке, как способ адаптации древнего человека к окружающему миру.

Анализ мифологических и символических значений наименований животных позволяет сделать вывод о параллельном развитии коннотативных признаков наименований животных в русском и казахском языках, что обусловлено актуализацией общепринятых ассоциаций с общими языковыми стереотипами русского и казахского народов, а также со взаимопроникновением культур и религий древних славян и тюр-

ков. Мифологическое значение животного играет не последнюю роль в интенциональном употреблении зооморфизма, причем реальные, объективные характеристики животного могут соседствовать с вымышленными, приписанными данному представителю животного мира.

Особое место в мифологическом сознании и русского, и казахского народов занимали образы птиц. Универсальным в представлении древних народов являлось то, что птица считалась посредником между высшим верхним миром и миром людей. Птицам приписывали такие качества, как сила, мощь, свобода, высота, возможность подняться до того уровня, которого не мог достичь человек. Птица являлась тотемом для людей, живших в наиболее ранний период. Так, для казахов птицы имели большое символическое значение: головные уборы молодых девушек, акынов-импровизаторов украшались перьями филина, что, с одной стороны, служило оберегом, с другой — было знаком связи с небом, верхним миром.

Типологически сходным представляется функционирование наиболее распространенного названия птицы *орел* в славянской и тюркской мифологии.

Орел считается самой почитаемой, «божьей» птицей в славянской мифологии. Данную птицу древние люди считали главной и старшей среди птиц. В мифологии орел связан с небесными стихиями и управляет ими, рассматривается как предводитель грозных туч, в других поверьях он обладает способностями разгонять тучи, отводить их от полей, тем самым спасая урожай. Еще одним мифологическим свойством, приписываемым данной птице является его способность к долголетию. По представлению древних славян, орел «живет дольше всех птиц и обладает способностью омоложения: когда наступает старость, он улетает на край света и, искупавшись там в озере с живой водой (или, по другим вариантам, — в реке Иордане), снова обретает молодость. Ср. в Библии: «(Господь) насыщает благами желание твое: обновляется, подобно орлу, юность твоя» (Пс. 103, 5)» [2, с. 288]. В русских народных сказках орел может выступать как помощник положительного героя; в песенном фольклоре предстает как символ воина. Орел также является символом русской государственности (ср.: изображение двуглавого орла на гербе России).

Зооморфизм часто используется в русском языке при описании внешности и характерных внутренних свойств человека. Так говорят про мужчину, обладающего большим количеством достоинств; при этом может подчеркиваться любое из его качеств, соотносимых с характеристиками орла, например, мужественность, благородство, независимость, гордость, свободолюбие и др. При описании внешности активно используются выражения *орлиный нос*, *орлиный взор*, *глядеть орлом*.

В мифологическом сознании казахского народа *буркіт* (орел) также является священной птицей. Считалось, что орел обладает способностью разгонять демонов и сатану. Так, древние казахи женщину, мучающуюся во время родовых схваток, воспринимали как заполоненную нечистой силой, мешающей рождению ребенка. В дом заносили беркута, которого сажали неподалеку от места, где находилась роженица. По преданию, от одного вида шпор и когтей этой птицы сатана и джинны покидали тело женщины, что способствовало быстрому рождению младенца. Символическое значение данной птицы сохранилось в народной мудрости и в наши дни. Так, в языке закрепились образные выражения и сравнения: *аспан перісі, көк тәңірі* (повелитель небес), *құс төресі, құс патшасы* (властелин птиц), *көк еркесі* (баловень небес), *қара құс, сары құс* и др., придающие названию птицы в проекции на человека значения «смелый», «отважный», «мужественный», «главный», «храбрый». Вместе с тем орел, как символ свободолюбия, благородства, гордого полета, является неотъемлемой частью геральдики независимого Казахстана: на гербе республики изображен орел с широко расправленными крыльями. В казахском устно-поэтическом искусстве образ горного орла символизирует смелость, бесстрашие, силу духа.

Образ волка во многих культурах играет особую роль и имеет огромное культовое, ритуальное и социальное значения. Мифологические образы многих животных в казахском языке восходят к древней традиции казахского народа – тотемизму. Тотем являлся духовной основой жизни древних людей. Изначально тотем воспринимался людьми как родственное человеку понятие, позже, во времена межплеменных столкновений и распрей, тотем стал иметь символическое значение «оберега».

Так, тюркские племена считали своим «хранителем» и «защитником» волка (*көк бөрі*). Названия *көк бөрі, көкжал бөрі* не были связаны с темно-серым окрасом животного, а выражали его принадлежность к синему небу, к высшим небесным силам, присваивая свойства «храбрый», «священный», «сильный». Изображение волка на флагах тюркских племен было обязательным атрибутом. Историко-эпическое произведение древности «Огузнама», произведения казахского акына Сулеймана и другие героические предания прошлого содержат описания тотема волка.

Согласно древнему китайскому преданию, тюрки являлись потомками гуннов. В одном сражении с соседними племенами из тюрков в живых остается только один десятилетний мальчик. Враги решили предпринимчиво отрезать ему ноги, чтобы он не мог садиться на коня, тем самым не представляя для них опасности. Отрезав ноги, они выбросили юношу посреди степи. По прошествии какого-то времени, к обессиленному от голода и боли мальчику подошла волчица, которая покормила его мясом и выходила. Далее, по преданию, волчица становится беременной от человека. Хан соседнего племени, полагавший, что от тюрков не осталось и следа,

прослышав о том, что юноша жив, приходит в гнев и приказывает убить его. Убив мальчика, воины видят неподалеку наблюдавшую за ними волчицу, которая скрывается от них в пещере горы Богда. Там она производит на свет мальчика, который впоследствии становится многодетным, и его дети приходится праотцами многих тюркских племен [3, с. 32].

Этим и другими мифами обусловлено символическое значение данного животного в жизни тюркоязычных народов. В казахском языке можно встретить образные выражения, паремиологические единицы, нашедшие отражение в языке в результате мифологического восприятия и древних поверий казахского народа. Так, выражение *тәңірдің серісі*, словосочетание *Иттің иесі бар, тәңірдің серісі бар* обозначали принадлежность тотема к высшим силам, а выражения *тік құлақ, қара құлақ, ұлыма, серек құлақ, көкжал, ит-құс*, обозначающие «с торчащими, черными, чуткими ушами», «воющий» и др., являются признаками табуирования названия животного. Древние предки казахов, в отличие от их современных потомков, употребляли в пищу мясо животного, убитого волком, поскольку считалось, что оно убито священным для тюрков животным. Если на домашний скот нападал волк, считалось, что он избавлял животных от различных болезней, а своим посещением кровя скота он символически способствовал прибавлению его количества и, как следствие – благосостоянию хозяина. У казахов было много поверий, связанных с волком. Так, если путнику встречался волк, это считалось хорошей приметой; если в какой-либо семье после рождения умирали дети, на шею новорожденного ребенка вешали амулет из волчьего клыка в качестве оберега. Это должно было способствовать долголетию ребенка, защищало его от глаза. Сильного противника казахи называют *нағыз көкжалдың өзі* (настоящий волк), что означает «отважный», «смелый».

В славянской мифологической символике волки, наряду с собаками, объединяются с нечистыми животными, не употребляемыми в пищу, характерным признаком которых является слепота или слепорожденность. Согласно славянским легендам, черт слепил волка из глины или вытесал из дерева, но не смог его оживить. Оживленный Богом, волк бросается на черта и хватает его за ногу. «Определяющим в символике волка является признак «чужой», он соотносится с миром мертвых, предков, «ходячих» покойников и др. Волк противостоит человеку как нечистая сила: его отгоняют крестом, он боится колокольного звона, ему нельзя давать ничего освященного. Волк воспринимается древними предками русских как «инородец» (ср. стаю волков называли «ордой», в заговорах волков называли «евреями»)» [2, с. 102].

Универсальным для казахского и русского мифологического образа волка является то, что волк считался посредником между людьми и силами другого мира. Также считалось, что, задирая скотину, волк действует не по своей, а по Божьей воле (ср.: *что у волка в зубах, то Егорий*

дал). Похищение волком скота воспринимается нередко как жертва и сулит хозяину удачу. Так же, как в казахском, в русском языке существовало табу, связанное с названием животного, которое заменялось эвфемизмами «серый», «зверь», «кузьма», «бирюк», «лыкус» и др. Глаз, сердце, зубы, когти, шерсть волка часто служили амулетами и лечебными средствами у славян. Волчий зуб давали грызть ребенку, у которого прорезываются зубы. Волчий хвост носили при себе, чтобы избежать недомоганий и болезней. При этом были поверья и приметы негативного содержания: вой волков предвещал беду, голод, вой волков под домом – войну, осенью – дожди, зимой – метель. Волк, забежавший в деревню, был верным признаком неурожая, множество волков сулило войну.

Анализ мифологической символики волка в русском языке показывает, что древние люди испытывали страх перед животным. Существовало огромное количество заговоров для защиты от волка. Входя в лес, читали заговор «от злого зверя» или сорок раз произносили «Господи помилуй», чтение заговоров сопровождали сжиманием кулаков, смыканием зубов, втыканием топора в стену и др. При встрече с волком запрещалось дышать, говорить, люди прикидывались мертвыми или, наоборот, кричали и отпугивали его стуком, угрозами, криком и свистом. Возможно, со страхом перед животным связана яркая характеристика негативных качеств человека: *выть волком, голодный как волк, рыскать (ходить, бродить) как (голодный) волк, ободрать (обчистить) как волк овцу, зарезать как волк агнца, любить как волк козу* (ирон.) и др.

Рассмотренный выше материал позволяет говорить об огромной социальной, культовой и ритуальной значимости образа волка с древнейших времен для тюркских и славянских народов.

Древней религией славян и тюрков, их мировосприятием было язычество. Оно охватывало всю сферу духовной и материальной культуры. Ментальность древних людей была проникнута убежденностью в постоянном присутствии и участии сверхъестественной силы в жизни человека. Мифологическое восприятие животного, его «очеловечивание» наглядно демонстрирует неразрывную связь славянской и тюркской «зоологической» лексики с этнокультурным контекстом.

Литература

1. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
2. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эйдис Лак, 1995 г. – 416 с.
3. Ғабитханұлы Қ. Қазақ мифологиясының тілдегі көрінісі. – Алматы: Арыс, 2006 г. – 168 с.

КУЛЬТУРНО-РЕФЛЕКСИВНАЯ ФУНКЦИЯ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ В АСПЕКТЕ ФРЕЙМОВОЙ СЕМАНТИКИ

Культурная маркированность знания, запечатленного в поговорках, базируется на том, что они, выражая представления народа о жизненных закономерностях, отражают те стереотипы мышления, которые, независимо от степени интеграции в систему общекультурных реалий и ценностей, воспринимаются как культурно аутентичные. Способность поговорок к реализации функций языка и культуры, при этом, основана на определенной сопряженности двух систем – культуры и языка.

Культурно-рефлексивная функция языка наиболее очевидно проявляется в таком поговорочном жанре, как пословица, поскольку особенности её фольклорно-речевой природы позволяют выражать закономерности языкового сознания, сформировавшегося как продукт взаимодействия языка и культуры [4]. Являясь от природы синкретичными языковыми знаками, пословицы совмещают в себе следующие признаки:

- 1) текста и идиоматической единицы;
- 2) замкнутой и открытой синтаксической структуры;
- 3) единицы языка и единицы речи;
- 4) вторичного текста и вариативного высказывания;
- 5) их семантика совмещает черты обобщенности, фразеологической связанности и композиционности семантики;
- 6) внутренняя форма характеризуется высокой степенью прозрачности наряду с десемантизацией отдельных лексем;
- 7) ведущая прагматическая функция – дидактическая – реализуется как в определенном дискурсе, так и, благодаря четкой мотивации определенной когнитивно-денотативной ситуацией, уже первично подверженной оценке, – вне дискурса.

Одна из причин традиционности использования пословиц как своеобразного аргумента при выяснении стереотипного положения относительно того или иного явления этнокультуры заключается не столько в «генетической» памяти народа на предельные тексты национальной культуры, сколько в «узнаваемости» базового логического посыла, лежащего в основе этих текстов. Действительно, когнитивная природа поговорок сложная, она обусловлена, прежде всего, их способностью отражать обобщенные ситуации (фреймы). Кроме того, репрезентируя определенный фрагмент фрейма (как правило, в его интегративном взаимодействии с другими когнитивными структурами), пословицы не просто